

Московский Художественный театр. Пора расцвета и величия.

НАША ПУБЛИКА ДОРΟΣЛА ДО ВСЕГО

А организаторы фестиваля сдержали свое обещание

*Независимая газета.
1998. - 16 и 1048. - с. 7*

Татьяна Проскурникова

ЧЕХОВСКИЙ фестиваль завершился. Он продолжался 80 дней, дал 122 представления, показав 51 спектакль, из которых 21 — российский, 30 — зарубежные. Чем стал он для всех нас, для публики, критики, людей театра? Расширил ли он кругозор, помог ли понять, чем живет сегодняшний театр за пределами России, и как наш российский театр соотносится с тем, что за этими пределами происходит?

Естественно, что у каждого свой ответ на эти вопросы. Мои, вероятно, столь же субъективны, как и замечания тех, кто упрекал организаторов фестиваля в предвзятости отбора, в том что на нем не царит дух карнавального театрального праздника, что он — «тусовка» для мировой и отечественной театральной элиты, что открылся он не спектаклем отечественного режиссера по пьесе Чехова, и тому подобном. Оставляя в стороне, казалось бы, канувшие в Лету проблемы протокола, по которому почему-то важнее открыть международный фестиваль отечественной постановкой Чехова, чем завершить его ею, позволю себе высказать несколько суждений общего характера.

Посвятив Чеховский фестиваль 1998 года столетнему юбилею Московского Художественного театра, его организаторы попытались дать нам возможность увидеть картину развития тех художественных идей, которые привели в конце прошлого века к рождению МХТ и подобных ему европейских театров. Историки театра хорошо знают, сколь многообразны были творческие поиски этих театров на рубеже веков. И если бы сто лет назад они собрались в Москве на свой фестиваль, едва ли он не вызвал бы у публики жарких споров. Для того чтобы публика могла судить о том, каков сегодня художественный театр, директор фестиваля Валерий Шадрин и его команда выбрали работы режис-

серов разных поколений (будь фестивальный буклет сделан с большей тщательностью и представ он вместо эмоциональных эпитетов и цитат из одних и тех же авторов более исчерпывающую информацию о каждом режиссере, мы бы это почувствовали отчетливее). Как и в повседневной театральной жизни, на фестивале оказались рядом те, у кого за плечами более 30 лет служения театру, и те, кому от роду чуть больше 30. И не принадлежность к тому или иному поколению определялась чаще всего дух и стиль спектаклей, показанных в Москве. Зрителям легко было убедиться, сколь отличны друг от друга работы молодых — чеха Лебля, бразильца Араужо, венгра Чаньи, грузина Варсимашвили, эстонца Нюганена, молдаванина Василяки, француза Пи. Так же как не похожи друг на друга творения нынешних мэтров.

Я не участвовала в отборе спектаклей для фестивальной программы, но если бы участвовала, то неплохо знал зарубежный театр, выбрала бы проентов восемьдесят из того, что в нее вошло. Никак не могу понять, почему столько нареканий вызвало то, что фестиваль начался с программы Американского репертуарного театра. Ведь никто не отрицает, что он является одним из самых рьяных и последовательных — на свой взгляд — адептов системы Станиславского. Нелогично пенять организаторам фестиваля на то, что результат так понятного служения системе великого реформатора сцены, не вызывает у нас восхищения. Тем более что большинство спектаклей фестиваля представил совершенно иное, творчески-вольное отношение к наследию тех, кто закладывал основы режиссерского театра.

А что же удивляться или негодовать по поводу того, что немецкий театр сегодня, почти десять лет спустя после крушения Берлинской стены, пытается осмыслить свое (да и общее) прошлое, снижая пафос древнегреческой трагедии («Медя» в постановке

Ханса-Ульриха Беккера) и заключая в жесткий и жестокий концептуальный каркас пьесу Чехова («Три сестры» Кристофа Маргалера.) Существуют иные взаимоотношения с античностью? «Прометей прикованный» Эсхила в постановке самого известного в мире греческого режиссера Теодороса Терзопулоса и новая версия «Диониса» не менее прославленного японца Тадаша Сузуки ответили в какой-то мере на этот вопрос.

А разделившие публику и критику на два непримиримых лагеря «Три сестры» в постановке Маргалера — это лишь один из восьми чеховских спектаклей фестиваля, показавших, что как у зрителей, так и у режиссеров есть «свой Чехов». И если, скажем, моему сегодняшнему восприятию Чехова из этих восьми ближе всего оказался «Платонов» Ежи Яроцкого, то это совершенно не значит, что я не стремлюсь понять, о чем говорят со мною, ставя Чехова, другие режиссеры; какой диалог они, вольно или невольно, ведут между собой. Разве не захватывают сами по себе пересечения и отталкивания в спектаклях по «Пьесе без названия»? А уж сравнительный анализ (включая вопрос восприятия публикой) «Трех сестер» Ефремова и Маргалера мог бы стать сюжетом для увлекательной книги.

Можно сколько угодно не принимать интерпретацию произведений Чехова, но очевидно, что вместе с античными авторами и Шекспиром в конце XX века он как мало кто востребован театром из прошлого, чтобы вести со зрителями разговор о существенных проблемах бытия. Именно такой театр обещал нам показать и показал Чеховский фестиваль. Ни на какую элиту он не ориентировался, ни о какой «тусовке» не заботился, обращаясь ко всем, кому театр интересен. Но легкой жизни своей публике он не обещал.

Думается, что фестиваль только выиграл бы, будь он менее насыщенный. Москва — не Авиньон, Эдинбург или даже Тампере.

А потому нелепо ожидать от проходящего в огромном столичном городе театрального фестиваля не только праздничного, «тусовочного» веселья, в отсутствии которого его некоторые упрекали, но и ежевечернего хождения в театр продолжающих жить обычной жизнью обитателей мегаполиса.

Скажем, Осенний фестиваль в Париже, начинающийся обычно в конце сентября и завершающийся в последние дни декабря, никогда не стремится объять необъятное и равномерно распределяет спектакли на длинной временной дистанции, заботясь прежде всего о публике. А ведь именно публика является призом на таких фестивалях, где нет ни жюри, ни наград. И по сути дела именно толпой у входа, а не числом хвалебных рецензий всегда определяется успех любого спектакля (но не всегда — его качество).

Наша публика вела себя достойно и уважительно. Покидала залы, не хлопая стульями и не топая ногами. Образовавшиеся после антракта зияющие пустоты красноречиво демонстрировали, что ей трудно вписаться в систему координат художника, или что спектакль вызывает у нее активное неприятие. Жаль, что на протяжении фестиваля зрителям мало помогли сориентироваться в хлынувшем на них потоке впечатлений. Критика нередко «от имени» или «во имя» публики обвиняла фестиваль в элитарности или, наоборот, позволяла себе обвинять публику в том, что она якобы не доросла до уровня художественного мышления «великих театральных творцов». Наша публика доросла до всего.

Никогда не забуду, как в холодной предновогодней Москве 90-го года, перешагивая через вырытые вокруг театра им. Вл. Маяковского траншеи для труб, в отсвете гревших землю костров, зрители битком набивались в зал на «Пентесилею» Кармело Бене. И после спектакля убеждали этого воинствующего авангардиста и разрушителя всех канонов и основ, что его спектакль — не о

смерти театра, как пытались их уверить он сам и привезенные им толкователи его творчества, а о трагизме человеческого существования. И упоенно расшифровывали сложные метафоры и ребусы непривычного для них зрелища. И оказались правы: театр Кармело Бене здравствует и поныне, а мэтр в очередной раз предложил зрителям разгадывать загадки своего нового прочтения «Макбета».

Некоторые спектакли нынешнего Чеховского фестиваля тоже потребовали от зрителей усилий. Но такова сегодня немалая часть мирового театра, неизменной и одной из главных составляющих которого всегда был русский театр.

Очень может быть, что после этого фестиваля русский театр станет нам еще понятнее, ближе и дороже. Будет жаль, если кто-то уже в который раз будет утверждать, что он — лучший. Он — другой, чем и интересен постоянно за пределами своей страны. Точно так же, как вообще нельзя определить, какая литература, или музыка, или живопись в мире — лучшие. Очень может быть, что после фестиваля многим зрителям захочется окунуться в атмосферу зрелища бездумного и веселого, не утомляющего своими загадками и не требующего соучастия. Да если еще разыграют спектакль любимые актеры. Как было бы хорошо, если бы спонсоры и меценаты, вкладывающие деньги в «антрепризы», устроили бы хоть однажды международный фестиваль «бульварного театра» — в самом широком, а отнюдь не в пренебрежительном определении этого явления, которое, вот уж точно, за сто лет никаких изменений не претерпело. Удачно мимикрируя, оно прошло нетронутым сквозь бури и трагедии XX века.

А третий Чеховский фестиваль позволил нам впервые столь полно представить себе театр, на лице которого, как и на челе столетнего юбиляра, МХАТа, видны морщины и рубцы от нанесенных этим веком ран. За это — спасибо.